

Хо Линьфэн, лежа в постели, сказал:

— Разве ты вправе спрашивать?

Ду Чжэн пробормотал:

— Я думал, что на Сицяньюлине всё спокойно, но, оказывается, здесь скрывается большая проблема. Я беспокоюсь.

Он накрыл Хо Линьфэна одеялом:

— Одному опасно, лучше поскорее вступить в должность и взять под командование войска, чтобы быть в безопасности.

Хо Линьфэн сердито проворчал:

— Если будешь продолжать болтать, зашью тебе рот!

Ду Чжэн, прикрыв рот, замолчал. В конце концов, этот хозяин даже не слушает старшего брата, у него свои планы. Он зажёл благовоние для успокоения, затем устроился у кровати, днём охраняя ночь.

На мягкой постели Хо Линьфэн проворочался до глубокой ночи, а когда сторож ударил в колокол, он тут же вскочил. В темноте умылся, переоделся и съел три кусочка паровых пирожных, чтобы утолить голод. Ду Чжэн поспешно зажёл лампу и, увидев его, спросил:

— Молодой господин, почему вы надели ночную одежду?

Хо Линьфэн ответил:

— Если выходишь ночью, то что, по-твоему, нужно надеть?

Обычно для ночных прогулок такая одежда не нужна, разве только для лазания по крышам. Ду Чжэн в панике:

— Молодой господин, вы здесь чужие, куда вы идёте?

Хо Линьфэн повторил:

— Схожу и вернусь, разведу Дворец Буфань.

В мгновение ока обстановка в комнате не изменилась, окно было приоткрыто, но его самого уже и след простыл.

Существует множество видов лёгкой поступи, но Хо Линьфэн владел уникальной техникой «Невидимый Божественный Дракон», которая позволяла ему двигаться как ветер, пробивая облака. Вскоре он достиг подножия горы Лэнсан.

Ночь была густой, как нерастворимые чернила, Дворец Буфань был закрыт, а три его стороны скрывались среди густых деревьев. Хо Линьфэн подошёл к воротам, сосредоточился и, как ветка, наклонившаяся в сторону, взобрался на каменную стену, оказавшись на боковой стене.

Каждые двадцать шагов стоял страж, за внешними воротами были ещё три внутренние, вдоль дороги горели фонари, создавая зловещую атмосферу. Он перепрыгнул через трое ворот,

прошёл через открытое пространство, за которым находился тёмный зал, в данный момент пустой.

Вдоль дороги стояли густые бамбуки, шелест листьев скрывал мелкие звуки. Он проник в главный двор, прошёл через коридор и взобрался на балку, ведя себя более дерзко, чем Лу Чжунь во время грабежей. Внезапно он почувствовал мощную внутреннюю энергию, приблизился и почувствовал запах вина. Подойдя к двери, он увидел первого хозяина, Дуань Хуайкэ.

Его дыхание, наполненное энергией, распространялось дальше, чем запах вина, что говорило о его невероятном мастерстве.

К счастью, Невидимый Божественный Дракон также был бесшумным, иначе неизбежно началась бы жестокая схватка. Только Хо Линьфэн отступил, как появились три-пять учеников, скачущих на лошадях. Увидев их, он быстро скрылся среди бамбуков, наткнувшись на пушистый комок с клыками и зелёными глазами — это был толстый дикий кот.

Хо Линьфэн схватил кота за морду, как уздечкой, не дав ему издать ни звука. Кот был свиреп, но этот грубый воин держал его так крепко, что тот чуть не задохнулся и едва не отправился в мир животных.

Отряд ускакал на запад, а Хо Линьфэн направился на восток, к следующему двору. Надпись на табличке гласила «Павильон Цанцзинь», внутри горели толстые свечи, а коридор был украшен позолоченными фонарями, роскошь которых соперничала с домом маркиза Динбэя.

Окно было приоткрыто, занавески колыхались, а Лу Чжунь спал, раскинувшись, как сытый пёс. Хо Линьфэн прыгнул в комнату и, следуя принципу «как ты ко мне, так и я к тебе», собрал шёлковые ткани, золото и серебро, наполнив всё до краёв.

Выйдя из Павильона Цанцзинь, он прошёл через сад и беседку, где были представлены красоты Цзяннаня. Он прошёл под искусственной горой, избегая патрулей учеников, и, не имея цели, добрался до глубин Дворца Буфань.

Вдали, перед горами, деревья стояли как навес, а среди них находился одинокий двор, где горели два-три тусклых фонаря, а стая сорок шумно щебетала. Простота места заставила его замереть. Хо Линьфэн действительно замедлил шаг, размышляя, кто же живёт в этом месте.

Внезапно, как порыв ветра, из двора выпорхнула белая тень.

Он вздрогнул и мгновенно применил Технику Запечатывания Дыхания, скрывшись среди деревьев и оставаясь неподвижным.

В темноте он разглядел человека. Тот был окутан лунным светом, одет в белые шёлковые одежды, сквозь которые просвечивала тонкая талия. Руки были пусты, на затылке был завязан серебряный обруч, а остальные волосы, как облака, растворялись в густой тьме. Он был лёгким, как перо, словно ласточка, порхающая в воздухе.

Внезапно человек повернулся в воздухе, и Хо Линьфэн увидел его лицо.

Карие брови, бледная кожа, холодная, как луна, с чуть покрасневшим кончиком носа, словно от холода. Губы слегка приоткрылись, заставляя гадать, какой же голос соответствовал этим тонким губам. Повернувшись, он показал изящный подбородок и тут же развернулся обратно.

В тот миг Хо Линьфэн увидел его глаза, которые заставили его замереть.

Внезапно он почувствовал, что вся красота Млечного Пути меркнет перед этим блеском в глазах.

Белая тень удалилась, как дым или туман, оставив после себя пустоту.

Всё ещё стоя среди деревьев, Хо Линьфэн потерял интерес к дальнейшему исследованию. Он был сбит с толку, очарован этим призрачным, почти небесным существом.

Кто это был?

Не мог понять, не мог догадаться, кто же это?

Живя в этом дворе, судя по одежде, он явно не был обычным учеником, скорее всего, одним из хозяев. Он подумал, Дяо Юйлян ещё слишком молод, может, это Жун Лоюнь?

Вдалеке послышался топот патруля учеников, и Хо Линьфэн, услышав его, перепрыгнул через гору и ушёл. Гора Лэнсан была холодной и тёмной, где легко было споткнуться, но он всё ещё думал о том, что произошло.

Рассказчик говорил, что сестра — проститутка, брат — разбойник.

Сестра Жун Лоюня была королевой красоты Башни Чжаому, что говорило о её невероятной красоте. Значит, и сам Жун Лоюнь, должно быть, не был заурядным.

У подножия горы, чтобы вернуться в гостиницу, нужно было идти на север, но Хо Линьфэн остановился и направился к реке на западе.

Ближе к часу быка берег реки был ярко освещён, Башня Чжаому была открыта, и клиенты, как волны, входили внутрь. Случайно, сегодня была ночь представлений, о которой говорил хозяин, и внутри пели и танцевали без остановки, танцовщицы крутили свои тонкие талии уже полночи.

Толпы людей, от юношей до стариков, стремились почувствовать аромат широких рукавов. Щebet птиц и крики заполняли каждый угол, но только в одной комнате на четвертом этаже было тихо.

Это был роскошный номер, с открытыми окнами и бамбуковыми шторами, и в него влетела белая тень. Он бесшумно приземлился, привычно взял зажигалку и подошёл к кровати, чтобы зажечь трёхцветный фонарь.

Только один, тусклый, сильно отличавшийся от яркого света снаружи. Но он не стал зажигать другие, открыл шкаф, выбрал кусочек ароматного дерева, поджёг его и положил в маленькую бронзовую курильницу. Закончив с этим, он подошёл к кровати и сел.

Снаружи царили шум и веселье, а он сидел тихо, словно оказался не в том месте. Вдруг послышались лёгкие шаги, и дверь открылась, показав лицо, способное погубить целую страну:

— Лоюнь, когда ты пришёл?

Женщина, задавшая вопрос, была королевой красоты Башни Чжаому, Жун Дуаньюй, а сидевший у кровати — вторым хозяином Дворца Буфань, Жун Лоюнь.

— Только что зажѐг свет, — Жун Лоюнь слегка наклонился:

— Ты так быстро нашла, ты всё время следила?

Жун Дуаньюй засмеялась, разве можно сравнить вонючих мужчин с её братом? Она ушла, грациозно, словно небесная фея, спустившаяся на землю, и вскоре принесла еду.

Сестра и брат сидели за столом, перед ними была миска миндального молока и тарелка с молочными пирожными, которые любил Жун Лоюнь. Он ел, его изящные уши слегка двигались, следя за происходящим в башне. В этот день каждый месяц было много людей, и он лично следил за порядком.

Закончив с миндальным молоком, он облизал губы. Жун Дуаньюй с упрѐком сказала:

— Ты же не бездомный, у тебя есть платки, почему не вытираешься?

Жун Лоюнь достал из рукава платок, небрежно провѐл им по губам, словно жалея его. Жун Дуаньюй рассмеялась, её белые пальцы протянули записку.

Жун Лоюнь взял её: чиновник, назначенный императорским двором, прибыл. Развернув, он прочитал:

— Хо Линьфэн?

Он был удивлѐн, сын маркиза Динбэя, о котором ходят слухи, что он одержал победу в битве, был назначен на Сицянлин.

Жун Дуаньюй спросила:

— Что ты думаешь о нём?

Жун Лоюнь покачал головой:

— Мы никогда не встречались, я не знаю, но человек, защищающий границы, должен быть жѐстким.

Оставив элитные войска Сайбэя, чтобы командовать здесь кучкой бездельников, он предположил, что генерал Хо, должно быть, чувствует себя неважно.

Жун Дуаньюй снова спросила:

— Хочешь узнать больше?

Жун Лоюнь ответил:

— Не нужно, когда он вступит в должность, точные новости из Чанъаня уже придут.

Даже сильный дракон не сможет победить местную змею, и, несмотря на силу Хо Линьфэна, он будет одинок.

Он устал, сжѐг записку, прополоскал рот, снял обруч и, распустив волосы, лёг в постель. Жун Дуаньюй накрыла его шёлковым одеялом и погладила по щеке:

— Спи, веселье будет продолжаться всю ночь, если что-то случится, я разбужу тебя.

Жун Лоюнь, слывший злодеем, свернулся калачиком, как ребёнок.

Дверь закрылась, Жун Дуаньюй лёгкой походкой вышла в коридор, где встретила девушку с арфой. Та пела, пока не охрипла, а внизу летели золото и драгоценности, и она спешила собрать награду.

Жун Дуаньюй взглянула вниз: толпы мужчин, осыпающих танцовщиц золотом и драгоценностями, создавали шумную атмосферу. Многие мужчины звали её, но она не обращала внимания, повернулась и пошла на кухню, чтобы приготовить суп для Жун Лоюня.

Внутри башни царила развратная атмосфера, снаружи — яркая.

[Комментарий переводчика: «час быка» — один из двенадцати двухчасовых периодов суток в традиционном китайском времяисчислении, соответствует 1:00–3:00 ночи.]

<http://bllate.org/book/16167/1449079>